

12 ноября 2002

Совершать ошибку на сцене Большого мне особенно не хочется

Дмитрий Хворостовский сразу начал свою международную карьеру с престижных контрактов, обложек глянцевого журналов и броских заголовков в газетах. На пороге девятых парней из Красноярска столь стремительно ворвался в оперную элиту, что был наречен "Сибирским экспрессом". Фэн-клубы знаменитого русского баритона теперь есть во всех частях света. Статный красавец с седой шевелюрой и печальным взглядом романтического героя принадлежит к когорте лучших певцов мира и в России бывает редко. Специально для ГАЗЕТЫ с Дмитрием Хворостовским встретилась Мария Бабалова.

- На сей раз вы надолго заглянули в Москву?

- Всего на несколько дней. Я начал работу над новым диском - романсы Чайковского и Рахманинова. Но допишу его только летом, если все будет нормально.

- Для кого вы записываете этот диск?

- Для себя.

- Под каким лейблом?

- Под тем же самым, что и все мои последние диски. Для американской фирмы Delos.

- Не слишком ли вы балуете своим расположением фирму, у которой скромная репутация плацдарма для начинающих?

- Не думаю, что я сильно дискредитирую свое имя, работая с Delos. Это фирма без пижонских наворотов, и она не требует с моей стороны каких-то сверхобязательств, чем обычно грешат такие известные компании, как Деcca или Philips, с которой я имел опыт многолетнего эксклюзивного контракта. Сегодня я хочу записывать только то, что мне нравится и интересно. Delos просто хорошо распространяет мои записи по всему миру. И скоро они наконец появятся и в России. Потом, я имею достаточно большой процент с продажи своих дисков, что, естественно, выгодно для меня и в финансовом смысле.

- Ваш последний диск - песни времен Великой Отечественной войны. Вам надоела опера?

- Нет. Здесь другое. Не знаю, насколько эти песни сейчас популярны в России и как люди их будут воспринимать сегодня. Мне это очень интересно. Но у меня есть ощущение, что в России эти традиции сохраняются и должны сохраняться. Военные песни я записал даже не столько для себя, и не для Америки, для которой советские песни - это тоже определенной формы балалайка, сколько для русских людей всех возрастов. Для меня это песни моего детства. Это дань моей памяти людям старшего поколения. Прежде всего моей бабушке, которая недавно ушла. Ведь я рос с бабушкой, и все мое детство было проникнуто лирикой военных лет. Для меня это этапная работа. Еще год назад я и не предполагал, что займусь военными песнями. Репертуар диска я набросал по памяти буквально за пару дней. Вышло больше двадцати песен - те, которые мне нравятся. Все эти песни написаны в миноре. Диск еще не вышел, но, по-моему, очень хорошо получилось.

- А вы не боитесь упреков в благосклонности к попсе со стороны ревнителей оперного жанра?

- Но какая же это попса! Это наша история. Наша классика. А потом, я уже снизошел до попсы. Я уже пел и 'неаполитанцину', и старинные русские романсы. Так что, в принципе, я давно уже себя уронил в глазах блюстителей чистоты оперы. Хотя, кажется, в этой работе мне удалось не утратить своего оперного достоинства.

- Вы часто себе говорите что-то сродни пушкинскому: 'Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!'

- Несколько раз я только успевал подумать про себя: 'Ай да молодец!' и потешиться мыслью о том, какой я хороший, как вдруг кто-нибудь вкрадчиво интересовался из-за плеча: 'Что с тобой случилось? Ты болеешь? Ты голос потерял?' Так что теперь я склонен опасаться моментов, когда бываю доволен собой. Сразу начинаю подозревать, что здесь явно что-то не так...

- Вы сильно зависимы от мнения окружающих?

- Всякий творческий человек - это тонкая натура, на которую влияет все - даже полуулыбка или полупамяк. Я не исключение. Еще страшнее для меня, когда человек, мнение которого мне очень важно или которого просто люблю, намеренно ничего не говорит, давая понять, что ты сделал что-то не то. Начинаешь страшно терзаться, заниматься самоедством.

- Но публика, похоже, всегда на вашей стороне...

- Раз на раз не приходится. Любовь публики сколь лестна, столь же и эфемерна. Выступать в России мне в сто раз тяжелее, чем в любой точке мира - русская публика всегда ждет чуда от своего героя, она вампирически требовательна. От этого порой испытываешь просто животный страх. Абсолютный ужас...

- Как вам кажется, люди вас воспринимают таким, какой вы есть на самом деле?

- Нет, конечно, придуманным. И вообще, людям совершенно необязательно, мне кажется, знать, кто ты есть на самом деле. Каждый человек, а артист в первую очередь, оставляет окружающим только ту часть себя, какой желает быть узнаваем. И если ты сам себя придумываешь, что же требовать от окружающего мира?

- Часто вы себя придумываете?

- Это моя профессия. Придумывать себя в тех или иных обстоятельствах, свое существование на сцене, свое видение происходящего вокруг. Так что в этой области по отношению к другим людям я достаточно преуспел.

- Что из придуманного о вас больше всего вас возмущает?

- Сейчас, в сорок лет, я чувствую, что мне не хочется с нуля доказывать людям, кто я такой и что я вовсе не сибирский медведь. А порой, особенно когда первый раз приезжаешь в какую-нибудь незаезженную страну, о тебе не то что нет никакой информации, а к тебе даже обращаются 'мистер Н', не решаясь даже следовать написанным буквам. К этому привыкнуть невозможно. Абсолютно бесхитростные вопросы типа 'А ты что, поешь лучше, чем Бочелли?' меня просто с ног сбивают. Хотя, с другой стороны, на этой почве раздражения может возникнуть какой-то азарт. Ты оказываешься лишенным груза ответственности за свою популярность, который тебя постоянно тяготит. Здесь вдруг тебе становится легко. И иногда даже начинаешь получать удовольствие от того, что и как ты делаешь на сцене. И ради таких моментов стоит продолжать заниматься своим делом.

- Какой подарок к сорокалетию оказался самым неожиданным для вас?

- В день рождения, 16 октября, у меня был в Covent Garden спектакль, после которого всех коллег я пригласил в верхний буфет театра. Так что никакого большого праздника я не устраивал и особенно не радовался. Мама мне сказала, что на сорокалетие громкие торжества организовывать не полагается.

- Вы суеверны?

- Нет. Просто в данном случае я решил послушаться маму, чтобы сделать ей приятное. И все хорошо получилось. Пришло очень много народа. Все меня замечательно поздравляли - говорили приятные слова, пели песни и дарили сувениры. Всегда приятно, когда о тебе помнят или, может быть, даже тебя любят. В этой спонтанности был даже трогательный момент. Главное, что в этот день свой спектакль - 'Разбойники' Верди - я спел прилично. И был более или менее удовлетворен собой.

- Что, на ваш взгляд, из великолепного голоса делает выдающегося певца?

- Не знаю. Божья метка, наверное. Часто бывает - вроде и данные вокальные есть у человека, и понятно, про что он поет, а совсем не трогает душу то, что у него выходит.

- А вам нравится быть источником наслаждения окружающих?

- Нет. Но это одна из функций моей профессии. И это не может быть для меня оскорбительно. Это же прекрасно, если то, что я делаю, дает людям какую-то положительную память. Но, я надеюсь, что помимо каких-то положительных рефлекторных импульсов то, чем я занимаюсь, заставляет еще и шевелиться серое вещество людей.

- Лет пять назад, казалось, в вас задора было на десятерых. Сегодня, похоже, его место занял холодный расчет. Почему?

- Человек, наверное, должен с годами меняться. Видимо, мой азарт тогда был куда более уместен, чем ныне. Но наверняка какая-то доля азарта присутствует у меня и сейчас, чтобы я мог идти дальше, расти и изменяться.

- Что вы считаете самым ценным из своего опыта?

- Непосредственно сам процесс творчества. Хотя он связан с определенным насилием над собой. Вдохновение никогда не приходит без работы, так что я не могу позволить себе подходить к музыке спонтанно, в состоянии эйфории. Но, наверное, я все-таки очень счастливый человек. Мне уделяет внимание огромное число самых разных людей. Я имею возможность общаться с этими людьми на расстоянии, избегая личного контакта. Ведь, в принципе, общаться с людьми очень трудно. Честно говоря, мне нравится определенное внимание мира к своей персоне. Мне кажется, это свидетельствует, что то, чем я занимаюсь, - все не зря, не впустую. И, наоборот, полное невнимание или незнание, мягко выражаясь, раздражает меня.

- По какому принципу вы сегодня выстраиваете модель своего будущего?

- В моей жизни очень много обстоятельств, которые выстраиваются и диктуют свои условия вне зависимости от моих усилий по планированию чего-либо. Мое будущее уже довольно плотно расписано на добрые пять-шесть лет вперед. И не надо быть большим фантазером, чтобы представить, что я буду делать и через десять лет на сцене. Я думаю, что эти годы для меня будут гораздо более целеустремленными, чем предыдущие. И все мои поступки будут осознаннее и продуманнее. Но в чем конкретно, я пока предпочту умолчать - можно и облажаться, если решу передумать. Я знаю точно только одно: я должен еще петь как минимум двадцать лет. Мне нужно вырастить детей.

- Только из-за этого вы собираетесь петь долго?

- Во многом именно так. Я единственный человек, который зарабатывает деньги для семьи, которая у меня большая со всех сторон. И нужно обеспечить ее благополучие на долгие годы.

- И все же, какие роли вас ожидают?

- Мне предстоит еще более глубокое проникновение на вердиевскую территорию - Ренато в 'Бал-маскараде' уже в феврале в Чикаго, потом Симон Бокканегра и Макбет, а следом, видимо, Яго в 'Отелло'. А что будет дальше совершенно неизвестно.

- Вы считаете, что будете больше востребованы в драматическом, нежели лирическом амплуа?

- Драматическим ролям у меня есть чисто физические предпочтения. Я уже не мальчик. И не слишком интересен самому себе в лирике. Однажды попробовав себя в вердиевском театре, уже не хочется останавливаться. Есть лишь желание быть там самым лучшим. Хотя, честно сказать, я 'Евгения Онегина' не пел уже сто лет и по нему даже заскучал. Валерий Гергиев на меня рассчитывает в своем новом спектакле, когда Мариинский театр будет его показывать в Нью-Йорке и Японии. Но я боюсь чужих спектаклей, сделанных режиссером не на меня. Тем более что я так много когда-то получал шишек именно за Онегина, и мне еще одну получать не хочется. В принципе, и онегинский возраст у меня уходит. Да и седовласого Онегина далеко не в каждом театре готовы принять. Но мне все-таки очень хотелось бы спеть Онегина с по-настоящему хорошими певцами.

- А с кем именно?

- Не скажу. Я дипломатом быть обязан. Я понял, что о своих коллегах ни при каких обстоятельствах нельзя говорить плохо. Даже если ты совершенно искренне убежден в чем-то негативном в отношении них. Самое лучшее в подобной ситуации - просто промолчать. Наш мир тесен, все певцы варятся в одном котле, то и дело встречаясь друг с другом. И часто мы вынуждены вместе работать, то есть находить контакты и компромиссы с теми, кто бывает не слишком тебе приятен. Поэтому не стоит усложнять себе жизнь недальновидными высказываниями. Ведь ничто не мешает человеку быть дипломатом и при этом оставаться самим собой.

- А много есть на свете людей, кого вы считаете своими друзьями?

- Очень мало. И никогда их не было много. Даже тогда, когда вокруг меня было много людей, я никогда не обольщался на этот счет. Даже когда совсем наивным был. Но тем не менее надеялся. Сейчас я уже понял, что никому не надо иметь много друзей. Сейчас очень многие объединяются в дуэты для выступлений, находя в этом кайф. Кто-то вынашивает план воспользоваться славой соседа, кто-то просто по-доброму хочет кому-то помочь, кто-то кого-то любит... Но меня не тянет в дуэты. Я лично чувствую себя в такой ситуации дискомфортно. И все мои друзья, к счастью, далеки от моей профессии.

- А что достается труднее - вселенский успех или личное счастье?

- Гораздо сложнее предугадать, что произойдет в жизни, чем на сцене. А реальность для меня теперь, пожалуй, важнее. Сейчас я уже постепенно начинаю понимать, что, конечно, то состояние, в котором я всегда пребывал, такое благостное одиночество, - это не то, с чем можно остаться навсегда. И хотя одиночество хранит тебя от предательства, человек

все равно не может жить без любви. И чем жестче было мое одиночество, тем сильнее я это осознавал. Я имею право на подобные высказывания, потому что в жизни я был и, в принципе, остаюсь одиноким человеком. Каждый артист - человек ненормальных данных, он - белая ворона и непонимаем.

- Вам больше нравится на сцене убивать или умирать?

- Не знаю. Наверное, все-таки убивать. Это прекрасный шанс дать выход своим низменным порывам. Ведь в каждом человеке, естественно, и злодейства, и властолюбия полно. И, по большому счету, всю жизнь только тем и занимаешься, что душишь, давишь в себе это на корню. А тут тебе такая возможность предоставляется, и ты как павлин раскрываешься. Для меня вообще до сих пор каждое появление в театре - это событие, переворачивающее мою жизнь.

- В каких театрах вам больше всего нравится выступать?

- Я пою только в тех театрах, где мне приятно находиться. Там, где меня хотят видеть и слышать. К сожалению, у меня нет возможности часто петь в La Scala, так же часто, как в Metropolitan или Covent Garden. Хотя петь в Милане для меня всегда было одним из самых заветных желаний. Риккардо Мути - один из величайших музыкантов столетия, который, увы, предпочитает иметь дело скорее с пешками, чем с ферзями в музыке. В этом как раз и заключается его проблема. Но я работал с ним однажды, и мне это очень понравилось. И ему, я видел, тоже. Мне очень жаль, что наш контакт был потерян из-за одной дичайшей глупости. Но у меня впереди еще лет двадцать - тридцать карьеры, так что я могу пока ждать. И он тоже. Дирижеры живут долго.

- А вам скучно представлять себя на фоне русских оперных театров?

- Не хочу. Я совсем другой жизнью живу. Я уже абсолютно отвык от этой закулисной возни штатного театра, где все уже с утра друг друга любят, ненавидят и обязательно против кого-нибудь дружат все вместе. Если, тем более, я войду туда сейчас, на другом уровне, то даже и представить трудно, как все меня там будут 'любить'. С того момента, как я ушел из Красноярского театра, я до сих пор не могу нарадоваться своей свободе.

- Нет, речь, конечно же, не о штатной службе, а хотя бы о единичных появлениях...

- Но пару лет назад я ведь появился в 'Риголетто' на сцене 'Новой оперы'. Хватит. Если будет следующее появление, то для него должна быть мощная причина, такое стечение обстоятельств, когда иначе поступить нельзя. Надо уметь ждать. Может быть, что-то подобное и произойдет в российском оперном театре.

- Такая ваша позиция распространяется и на Большой театр?

- Да. Я там тоже не хочу появляться. Есть у меня в отношении Большого театра шестое или седьмое чувство, которому я следую. Я там бывал: пел пару концертов, приходил на спектакли. Последнее, что я там видел, это 'Набукко'. Я понимаю всю неизбежность того,

что там происходит, и то, что это главный театр страны. Но, тем не менее, я по запаху чувствую - это не мое, и я - не их. А совершать ошибку на сцене Большого мне особенно не хочется. Видно, я еще не настолько обнаглел. Я не надеюсь ни на какое прощение или снисхождение.

- А вы разве не имеете право на ошибку?

- Каждый имеет право на ошибку, тем более в нашей профессии. Ошибка, как правило, это попытка найти компромисс с обстоятельствами. От ошибок никто не застрахован. И надо научиться использовать их себе на пользу.

- Это сложно?

- Да. Это все происходит через боль. Вообще, все самое ценное и важное в моей жизни мне доставалось через боль. Видно, я принадлежу к тому типу людей, что учатся только лишь на своих шишках и ошибках. Но это уже мой опыт, железно, и я его никому не отдам. А то, что я приобретал легко, я всегда так же просто и терял. И потом спустя время приобретал заново, через проблемы и ошибки.

- Как часто вы планируете приезжать в Россию?

- Я стараюсь это делать при каждой возможности. Как минимум раз в сезон стремлюсь обязательно побывать с концертом в родном Красноярске, Санкт-Петербурге и Москве. До конца девяностых в России я пел исключительно благотворительные концерты. Я понял, куда идут мои деньги, и меня это не устроило. И больше не хочется участвовать в каких-либо фондах...

- Но ведь участие в благотворительных или рекламных кампаниях - это верный признак успешности?

- Да. Но с благотворительностью в России сложно. Я хочу доверять людям, пока же выходит так, что я сам должен контролировать финансовую сторону своей благотворительности. А у меня физически нет такой возможности. Что же касается рекламы, то мне несколько знаменитых фирм настойчиво предлагали стать их лицом. Но я категорически не хочу даже Rolex рекламировать, хотя и ношу его. Постоянно поступают какие-нибудь рекламные предложения. Из российских компаний, я помню, лет пять назад завод 'Кристалл' очень хотел, чтобы я рекламировал его водку 'Столичная'. Но я не захотел своего соседства с бутылкой на плакате. А ныне я и вовсе с алкоголем покончил. Так что данный вопрос, можно считать, отпал сам собой.

- Но в последнее время мои визиты в Россию несколько участились, и я уже чувствую себя здесь вполне комфортно. Все мои приезды, как правило, связаны исключительно с работой или тихим существованием без помпы. Мне это очень нравится. Это такая же жизнь, какую обычно я веду в Нью-Йорке или Лондоне: концерт, спектакль, после - автографы, улыбки, а потом обычная, спокойная жизнь, когда я предоставлен сам себе.

- Сейчас Москва меняется, становится красивой. Мне приятно бывать здесь. И видеть эти перемены, когда как грибы ниоткуда появляются дома - новинки архитектурной молодости. Моя жена Флоранс - нерусский человек, но она обожает Москву.

- Почему же тогда вы до сих пор, будучи в Москве, переезжаете из отеля в отель, а не обзаведетесь собственной квартирой?

- Нам нравится путешествовать по гостиницам. Мы оба - кочевники по натуре. А свой дом - это новая большая работа. Значит, мы будем обязаны здесь бывать, и вся романтика наших московских поездок тут же улетучится.

- Почему из всех городов мира вы решили обосноваться именно в Лондоне?

- Дети у меня живут в Лондоне, и я должен быть там. И здесь я уже не выбираю. Но мне нравится Лондон, я его даже полюбил. Я живу там уже долго. С 1994 года я не менял своей резиденции. Я не знаю, где какая улица находится в Москве, а про Лондон могу все рассказать.

- Куда вы сейчас направляетесь?

- В Лондон. 13 ноября в Covent Garden у меня дуэтный концерт со знаменитым румынским сопрано Анжелой Георгиу, а главный дирижер Covent Garden Антонио Паппано выступит в качестве пианиста. Больше половины программы - это абсолютно новые для меня, непетые вещи. Потом я уезжаю в Америку. А уже в апреле у меня будет сольный концерт с совершенно новой программой. Перед ее выбором я снова автоматически открыл романсы Чайковского и Рахманинова. У моего менеджера от этой идеи волосы дыбом на голове встали. Я уже и Чайковского, и Рахманинова запел до чертиков. Но я все равно знаю, что это мое. И я еще не спел и половины всех романсов. Их всегда очень трудно и ответственно петь. Надо взять паузу, может быть, лет на десять. Но в следующем сезоне меня ожидает очень много концертов. Вообще, мне концерты с фортепиано всегда дают больше свободы. Сейчас я готовлю новую большую концертную программу. Это неожиданная смесь - Мусоргский 'Без солнца' и романсы Вольфа, Равеля и Дюпарка. Пожалуй, такой смурной программы у меня еще не было никогда. И также в апреле я снова приеду в Москву. 9 апреля в Кремле я буду петь военные песни.

- Но еще полгода впереди...

- Ну что такое полгода? Годы пролетают как секунды.

